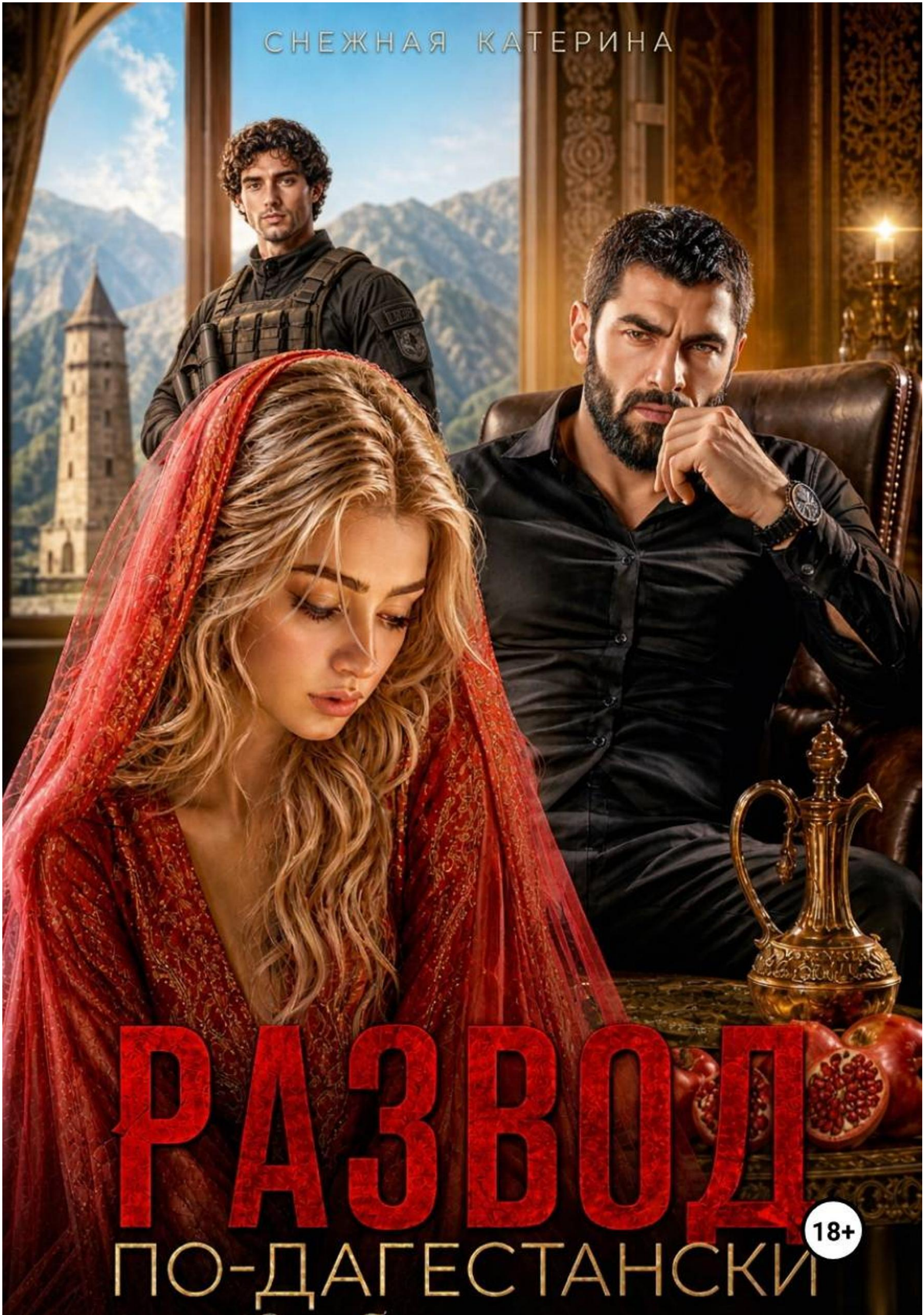

СНЕЖНАЯ КАТЕРИНА
РАЗВОД
ПО-ДАГЕСТАНСКИ
18+

Катерина Снежная

Развод по-дагестански - 1

«Автор»
2026

Снежная К. С.

Развод по-дагестански - 1 / К. С. Снежная — «Автор», 2026

Брат предал нас. Отец продал меня Шамилю Адаеву ради спасения тухума.Два сильных клана Махачкалы решили, что моя судьба предопределена.Они ошиблись.В эту кровавую игру вступает Эмин Махачев — молодая кровь, дерзкий лидер теневого бизнеса и сын их злейшего врага. Он не признает чужих сделок и готов драться за меня до последнего.История безумной страсти, намыса и позора рода, который смывается кровью.

© Снежная К. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 15
Глава 4 18
Глава 5 21
Глава 6 26
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Катерина Снежная
Развод по-дагестански - 1

Глава 1

Отец всегда говорил, что Амина доведет меня до беды. Если бы он только знал, где мы сейчас, нас обеих ждал бы грандиозный скандал. А Рустаму, моему брату, пришлось бы отвечать перед всем нашим тухумом за то, что он недоглядел.

Но Рустам слеп, когда дело касалось Амины. Между ними давно тянулся странный, тягучий флирт, искрящийся при каждой встрече. Брат смотрел на нее так, словно был готов сорваться в любую секунду, а она… Амина просто играла с ним. Впрочем, как и всегда.

Я приехала домой на летние каникулы после тяжелого года в университете, и Аминка — моя испорченная, безрассудная подруга — сразу взяла меня в оборот.

— Еся, ты совсем зачахнешь со своими дурацкими книжками, — ныла она, заталкивая меня в затонированный в «бункер» черный внедорожник. — Сегодня отдыхаем, отдыхаем и еще раз отдыхаем! Никаких отговорок.

И вот мы здесь. Типа, отдыхаем…

Трехэтажный частный особняк на окраине Каспийска был скрыт за высоченным кирпичным забором с коваными воротами. Снаружи — глухая тишина и темнота, никаких признаков жизни. Но стоило переступить порог, как на нас тут же обрушились тяжелые басы, приглушенный смех молодежи и густой, сладкий дым.

Здесь текла совсем другая жизнь. Та, которую никогда не увидишь на улицах Махачкалы в открытую.

Девушки, которые днем кутались в строгие закрытые одежды или прятали волосы, сейчас щеголяли перед гостями в облегающих платьях с ярким макияжем. На столах, вопреки всем законам и традициям, стояли бутылки с дорогим импортным алкоголем, а в воздухе висел удушливо-сладкий аромат яблочного кальяна.

Я чувствовала себя не в своей тарелке. Забившись в угол огромного кожаного дивана, я нервно теребила подол скромного платья, пока Аминка, расслабленно откинувшись на спинку, выпускала изо рта кольца дыма.

— Расслабься уже, — усмехнулась она, глядя на мое перепуганное лицо. — Здесь все свои. Никто из чужих не узнает.

— Отец убьет меня, если узнает, где я. А Рустам…

— Твой Рустам сейчас спит и видит меня во снах, — она довольно улыбнулась, но тут же ее лицо стало серьезным и даже немного циничным. — Знаешь… Меня ведь сватают. За Шамиля Адаева.

У меня перехватило дыхание. В городе все знали фамилию Адаевых. Бессердечные, влиятельные люди, а сам Шамиль пользовался репутацией человека, чье имя старались лишний раз не произносить вслух. Ну, по крайней мере, без уважительной причины.

— Но… как же так? — прошептала я, округлив глаза. — Ты ведь не хочешь этого!

— Хочу, не хочу — кого это волнует? Семьи договорились, никах не за горами. — Амина пожала плечами, а затем хитро сверкнула глазами и наклонилась к моему уху. — Но знаешь что? До того, как меня запрут и сделают идеальной женой, я хочу хотя бы раз посмотреть вживую на мужское хозяйство. Не на картинке. Понимаешь?

Я поперхнулась воздухом, и краска моментально мне залила щеки.

— Ты совсем с ума сошла?!

— Я просто хочу жить, Есь, пока могу, — она рассмеялась, откидываясь назад.

Я нервно обвела взглядом зал, пытаясь прийти в себя от ее слов, и вдруг… замерла.

На противоположной стороне гостиной, прислонившись плечом к арке, стоял парень. Высокий, широкоплечий, в темной рубашке, расстегнутой на пару верхних пуговиц. В одной руке он держал стакан с янтарной жидкостью. Даже при короткой стрижке было заметно, что волосы у него вьются. Черноволосый, темноглазый, с резко очерченными скулами и спортивной фигурой, он смотрел прямо на меня. И мне хотелось сквозь землю провалиться. Буквально вчера я надерзила ему прямо в кабинете отца. И теперь по позвоночнику бежала ледяная дрожь. Вокруг парня стояли люди, пара красивых девушек откровенно вились рядом, пытаясь привлечь его внимание, но он словно не замечал их. Его глаза безотрывно изучали мое лицо, словно прицеливаясь.

Аминка проследила за моим взглядом, и ее веселость как рукой сняло.

— Опусти глаза, Ася. Немедля, — прошипела она, неожиданно хватая меня за запястье. — Это же Эмин Махачев.

— Знаю, — я послушно отвела взгляд, но все равно чувствовала кожей его тяжелое внимание.

Ох, зря я ему надерзила. Зря… Мои мысли так и бурлили вокруг вчерашнего, в то время как Аминка не унималась:

— После того как убили их отца, он и его брат подмяли под себя часть порта. Они сейчас так стремительно поднимаются, говорят, не признают никаких правил. К этому лучше вообще не приближаться. Хотя нужно признать: красив, засранец. И почему все плохиши такие няшечки? Вот скажи!

Я сглотнула, снова бросив короткий взгляд из-под ресниц в сторону арки. Эмин по-прежнему смотрел на меня. Уголок его губ едва заметно дрогнул, словно он прочитал мои мысли. Он и в самом деле был пугающе красив: дерзкие, хищные черты лица, темная щетина и аура непробиваемой уверенности в себе.

Вечер набирал обороты. Музыка стала громче, воздух — еще более душным. Я чувствовала, как напряжение сковывает мои мышцы. Взгляд Эмина преследовал меня, прожигал насквозь, но сам он куда-то ушел.

— Ты слишком зажата, — повторяла Аминка, протягивая мне бокал с апельсиновым соком. — Выпей. Обычный сок, не бойся. Хоть немного расслабишься.

Я с сомнением посмотрела на стакан, но в горле от волнения пересохло, и я сделала несколько глотков. Сок показался немного странным на вкус, с едва уловимой горчинкой, но холодная жидкость приятно освежила.

Спустя минут десять музыка вдруг начала казаться слишком громкой. Цвета неоновых ламп поплыли, сливаясь в яркие пятна. Я моргнула, пытаясь сфокусировать зрение, но комната вдруг расплылась перед глазами. Жар, неестественный и сухой, поднялся от живота к груди.

— Амина… — пробормотала я, чувствуя, как немеют губы. — Мне что-то… нехорошо…

Она недовольно цокнула языком и бесцеремонно вырвала стакан из моих дрожащих пальцев.

— С каких пор от легкого успокоительного бывает плохо? — фыркнула, смерив меня презрительным взглядом. — Вот же ты трусиха, Ася, просто позор. Женщина не должна быть такой слабой.

Она схватила меня за руку и, не слушая никаких возражений, потащила куда-то к лестнице. Ступеньки плыли под ногами. Головокружение накатывало волнами, с каждым шагом становясь всё сильнее, а сердце колотилось так, словно хотело пересчитать мне ребра.

— Мы в туалет?

Амина лишь закатила глаза, издав свой фирменный тяжелый вздох в стиле «за что мне это наказание», и потянула меня дальше по длинному коридору. Я плелась за ней, словно

послушная собака, лишенная собственной воли, и тщетно пыталась сфокусировать зрение, пока мы не оказались у самой дальней двери на втором этаже.

— А где ванная?

— Да тише ты, не ори! — зло прошипела она, заталкивая меня в кромешную темноту чужой спальни и плотно прикрывая за нами дверь. — Потом сходишь. Ты только посмотри…

Мои глаза постепенно привыкали к густому мраку. Окна были плотно зашторены, но сквозь приоткрытую створку задувал ночной каспийский ветер. Край тяжелой портьеры гулял из стороны в сторону, впуская в комнату куцые полосы лунного света. В одну из таких вспышек я увидела это и инстинктивно шатнулась назад.

На широкой кровати лежал парень.

Реально парень.

Он лежал неподвижно, раскинув руки, и из-за глубоких теней я даже не смогла понять, кто именно это — кто-то из накачавшихся алкоголем гостей или сам хозяин дома. Я в ужасе уставилась на подругу.

Амина, до боли сжав мои пальцы, потащила нас обеих прямо к кровати.

— Что мы тут… — пискнула, упираясь ногами в ковер.

— Ш-ш-ш! Молчи, — шептала она, лихорадочно блестя глазами в темноте. — Я хочу увидеть его ч…

— Что?!

Я дернулась, как облитая кипятком, вырывая руку. Паника с кошмарным предчувствием окатила с ног до головы, на секунды проясняя ум. С ума сошла!? Если кто-то зайдет и увидит нас здесь, наедине с чужим парнем в спальне — нам конец. Такой позор, от которого не отмоется ни мой тухум, ни мой брат Рустам!

— Дикая, что ли?! Интернета нет?! Посмотри там!

Амина быстро полуобернулась ко мне, обдав запахом сладкого кальяна, и горячо зашептала прямо в ухо:

— Я вживую! Хочу-не видела. Это не одно и то же! Он лежал поверх покрывала абсолютно неподвижно.

— Он либо спит, либо вообще в отключке, — заметила я как можно громче, надеясь, что мой голос пробьется сквозь ее безумие и хоть немного приведет в чувство.

Амина аж подпрыгнула на месте от неожиданности и едва не испепелила меня взбешённым взглядом.

— Вот же ты стерва, Еся! —прошипела она зло, до боли впиваясь наращенными ногтями в мое предплечье. — Я тебя вовек не прощу, если ты сейчас сдрыснешь!

— А ты просто дура, — выдохнула я, чувствуя, как перед глазами снова всё плывет от этого чертова сока с успокоительным.

Она упрямо дернула меня на себя, подтаскивая вплотную к краю постели. Очередной порыв ветра откинул штору, и луна ярко осветила лицо спящего. У меня внутри всё оборвалось, а сердце рухнуло куда-то в желудок. Не хватало оставить его содержание прямо в этой чертовой комнате.

Это был Эмин.

Глаза были закрыты, широкая грудь мерно вздымалась. От него исходил легкий дух крепкого дорогого алкоголя, смешанный с нотками сигаретного дыма. Даже в отключке от него веяло угрозой, словно мы подобрались к спящему волку, который мог в любую секунду проснуться и перегрызть нам глотки. Вот о чем думает Аминка? О чем? Совсем больная!

Я судорожно сглотнула, искренне надеясь, что его вид остудит ее пыл и она наконец передумает. Но куда там! Амина же, первая шкода на всем Каспии, для которой не существовало ни тормозов, ни отцовского ремня, уже бесцеремонно забралась с коленями прямо к нему на край

кровати. Нависла над спящим. Осталось только что-то сделать эдакое! Заорать в ухо, напугать до чертиков, воткнуть…

Я обвела языком вмиг пересохшие губы. Интересно, у кого из нас двоих меньше мозгов? У нее, творящей этот харам на чужой постели, или у меня, стоящей рядом столбом?

— Пошли отсюда, — умоляюще шипела я, молясь всем известным богам о ее благоразумии.

Но Амина меня не слышала. Она завороженно скользила взглядом по его лицу, по темным густым кудрям, рассыпавшимся по подушке, затем перевела глаза ниже — на черную рубашку, обтягивающую мощный торс, и, наконец, опустила взгляд на его темные спортивные штаны.

Внезапно замерла, вскинула голову и посмотрела на меня взбудораженным, горящими от адреналина глазами.

— Смотри… — одними губами, почти в экстазе прошептала она, указывая дрожащим пальцем вниз. — У него во сне стояк.

Тут же потянулась к его поясу и аккуратно потянула за шнурки.

У меня внутри всё оборвалось от ужаса и настоящего шока. Она и в самом деле безбашенная! Просто сумасшедшая! Если он проснется… нам не конец. Нам будет фирменный пиз…

— Так, иди сюда, или мы больше не подруги, — весело прошептала она, заметив мои отчаянные попытки отползти. — Еся, я сейчас как заору на весь дом! Мало не покажется!

Я подавила отчаянный, разочарованный вздох, против воли поддаваясь вперед. Если она действительно заорет — а с нее станется, тормоза у нее давно сорвало, будет в тысячу раз хуже. Сбежится вся тусовка. Нас увидят, и тогда такого позора не оберешься, что брат меня просто придушит собственными руками. Пьяная Аминка трезвой не подружка, а мне в таком неадекватном состоянии так вообще злейший враг.

Дрожа всем телом, я тоже неуклюже залезла с коленями на кровать. Тем временем цепкие, быстрые руки подруги уже наглым движением стаскивали со спящего Эмина штаны вместе с бельем. У меня сердце заходилось от дикого страха и абсурдности происходящего. Ну просто зрелище «люкс прайм» — приватное шоу для двух беспросветных дурочек или законченных сумасшедших, которым жить надоело.

Очередной порыв ветра с залива отодвинул шторку, впуская в спальню яркий лунный свет. И перед нашими глазами предстало обнаженное мужское естество во всей своей пугающей, тяжелой готовности на фоне темных волос.

Я впала в какой-то глухой ступор. Рассматривала его секунду, чувствуя, как щеки полыхают пламенем стыда, а затем в панике перевела взгляд на Амину. Та, коза такая лыбилась во весь рот, едва ли не светясь от восторга.

— Довольна? — одними губами, в панике прошипела я. — Теперь мы можем уйти?!

— Вот еще! Щас, щас, погоди… Где телефон? — она судорожно захлопала по себе руками и недовольно ругнулась: — Черт, сотовый в кофте остался. Щас приду!

Резво соскочила с кровати и бегом кинулась вон из комнаты так, что я даже рта раскрыть не успела, чтобы остановить её. Дверь за ней захлопнулась, оставив меня в совершенном одиночестве на огромной кровати, в темной спальне с самым опасным парнем в городе.

Очень мило!

Я нервно сглотнула. Бросила еще один загнанный, судорожный взгляд на Эмина, на его обнаженное хозяйство, от которого любую бы бросило в жар, и, стараясь даже не дышать, на четвереньках двинулась назад, к краю постели.

Его рука схватила меня за волосы, так неожиданно, что я вскрикнула.

Следующая секунда показалась мне вечностью.

Взгляд Эмина прожигал, припечатывал, заставлял гореть так, что любое наказание и позор в аду показались бы мне меньшим злом. Я дернулась. Он совершенно не стесняясь

того, что оставалось меж нами торчать, порывисто приподнялся, удерживая, и воздух кончился разом, я хватанула ртом воздух, но не смогла издать ни звука.

— Отпусти, - выдала жалостливо на уровни мышиного писка.

Глаза Эмина смотрели прямо в душу, и не нужен был даже лунный свет, чтобы понять, что в них. Он потянул руку к себе, в то время как я упиралась ему в живот, пытаясь и пытаясь противостоять. Бесполезно. Его губы врезались, ворвался в мой рот, а в следующую секунду он уже вдавливал меня в кровать, целуя, и трогая. Я забилась под ним, вереща в губы и сопротивляясь, но моя возня и его действия растворялись в темноте комнаты.

Он не слышал или не хотел слышать.

— Прошу… отпусти… — мой голос окончательно сел до жалкого писка, я не могла с ним справиться.

На мгновение Эмин отстранился, тяжело и шумно дыша мне прямо в лицо. Запах табака, спиртного и кавказского мускуса окончательно одурманил мою и без того плывущую от успокоительного сока голову. Он зафиксировал мои запястья над головой, придавив их одной рукой, и наклонился так близко, что его щетина оцарапала щеку.

— Слушай сюда, — прорычал он, и в его голосе прорезалось жесткое дагестанское доминирование. — Ты сама пришла на мою постель. Сама сняла штаны. За такую суету на Кавказе спрашивают по полной. Я дам тебе выбор. Компромисс, жи есть. Либо мы делаем всё до конца, прямо сейчас, и ты уходишь отсюда моей женщиной… либо ты берешь это в свой рот и отрабатываешь свою дерзость. Выбирай. Быстро.

От его циничных слов слезы брызнули из глаз с новой силой. Краска адского стыда залила лицо. Отработать? Рот?!

— Ты совсем дурак! А … с дуба рухнул! Я ничего не снимала, это не я! — зашипела я, мотая головой. — Я отказываюсь! Отпусти меня, харам это, отпусти!

— Отказываешься? — в его глазах вспыхнул опасный, темный огонь. — Гордая, значит? Намыс свой бережешь?

Эмин глухо усмехнулся, но отпускать и не подумал. Вместо этого перехватил мою правую руку, освобождая ее из своего захвата, и силой потянул вниз. Не сжать кулак, не выкрутить пальцы, я упиралась как могла, но мужская сила была непреодолима.

Он властно и крепко положил мою ладонь прямо на себя. И ее тут же обожгло пульсирующим жаром. Пальцы против воли обхватили его раскаленное, обнаженное естество, и по телу прошел мощнейший разряд тока.

— Держи, — выдохнул он мне прямо в губы, заставляя руку двигаться по его воле. — Раз любишь смотреть, люби и делать так. И не вздумай отпускать.

Дверная ручка спальни с коротким щелчком дернулась, и в коридоре слышался пьяный шаг возвращающейся Амины. Он тут же заткнул меня поцелуем и мой вой потонул в Эмине, пока шаги за дверью не затихли. Амина, со свойственным ей безрассудством, унеслась обратно в шумный зал, напрочь забыв про меня, а мне было уже не до нее.

Мои пальцы, зажатые во властной ладони Эмина, судорожно сжимали его раскаленную, пульсирующую плоть. Я отчетливо ощущала каждый сантиметр , и это осязаемое, пугающее знание приносило с собой невыносимый, выжигающий душу стыд. Я, приличная девушка из уважаемого тухума, студентка, лежу на чужой постели и сжимаю мужское хозяйство. Позор, смыть который на Кавказе невозможно ничем. Хотелось откровенно удавиться.

— Прошу тебя… умоляю, отпусти… — слезы жгли глаза, я захлебывалась собственным шепотом, чувствуя, как от страха и унижения кружится голова.

Эмин, среагировал мгновенно, по-медвежьи резко. Не выпуская моей руки, он мощным рывком перевернулся, увлекая меня за собой. Теперь он лежал спиной к двери, полностью закрывая меня широким торсом. Если бы кто-то вошел в спальню — хоть Амина, хоть хозяева

особняка, — они увидели бы лишь его, лениво развалившегося на кровати. А меня за его плечами и глухой тенью нет.

— Трогай меня, — выдохнул он, наклоняясь ниже и его темные густые кудри коснулись моего лба.

Я всхлипнула, зажмурив глаза, но его хватка на моей руке стала настойчивее. Подчиняясь непреодолимой воле, моя ладонь сделала неловкое движение вдоль раскаленной кровью кожи.

— Сама начала эту суету. Делай. Или не отпущу.

Плача от бессилия и безумно-запретного харама, я продолжала сжимать его, чувствуя, как он становится жестче и требовательнее в движениях.

— Смотри на меня, — скомандовал Эмин в губы. — В глаза мне смотри.

Я разомкнула мокрые ресницы. В полумраке спальни, едва разбавленном лунным светом из окна, наши взгляды столкнулись. И в эту секунду, по мере того как во мне просыпалась загнанная в угол смелость, я заметила, как меняется его лицо.

— Я… я не умею!

Дурман все еще туманил его взор, он был пьян, но он хотел — отчаянно, до дрожи в мощных мышцах. Хищная, безжалостная маска начала сползать с его резких черт. Эмин становился мягче. Он приоткрыл губы в глубоком вздохе, а в глубине потемневших, почти черных глаз вспыхнуло то, чего там быть никак не должно — странная звенящая одержимость. Он смотрел на зареванную меня так, словно что-то перевернулось в нем всё вверх дном.

Он больше не требовал. С глухим стоном Эмин подался вперед и припал к моим губам. Этот поцелуй не был похож на прежний грубый наезд. Он бережно, почти трепетно смял мой рот, вплетая нежность в мою внезапную, шальную слабость. Большой, горячей ладонью скользнул вниз и накрыл мою руку, все еще сжимавшую его. Он переплел свои пальцы с моими, и теперь мы двигались вместе, в одном сумасшедшем ритме. Он направлял меня, ускоряя темп, пока его губы продолжали пить мои слезы в бесконечном, раздирающем душу поцелуе. Внешний мир с его правилами, намысом и грозным запретом перестал существовать — осталась только звенящая темнота, запах кожи, алкоголя и мы.

Его дыхание становилось все более порывистым, обжигающим мою шею. Ладонь, сжималась сильнее, задавая общему движению бешеный, почти остервенелый темп. Я чувствовала, как он пульсирует, напрягаясь и увеличиваясь.

Стыд стоял в горле тугим комом, но сильнее него была слепая, клокочущая обида. К Амине, которая бросила меня здесь. К себе, беспомощной и слабой из-за этого чертова успокоительного. И больше всего — к нему, к пьяному чудовищу, поймавшему меня. Эмин глухо застонал мне в губы, и в звуке было столько нечеловеческого напряжения. Каспийский ветер с залива рванул штору, бросая на его искаженное страстью лицо полосу лунного света: челюсти сжаты, на лбу проступила вена, а сам он на пике.

— Еся… — хрипло, почти беззвучно выдохнул он, отрываясь от моих губ всего на миг. Его глаза, черные, как грозовое море над морем, смотрели на меня с ошалелой, собственнической одержимостью.

— Ненавижу тебя… — прошипела я сквозь слезы, вкладывая в слова ярость, на которую была способна. Моя рука в его ладони продолжала двигаться против воли, пальцы деревенели. — Будь ты проклят.

— Ненавидь, — выдохнул он, и его голос дрогнул, жестко перехватил мои бедра, его обнаженное тело качнулось вперед, вжимаясь в руку так плотно, что я в полной мере ощутила его колоссальное, жесткое давление. Контроль рухнул, и Эмин сцепив зубы до скрипа, и с оглушительным, протяжным стоном излился прямо в зажатую руку, переступив последнюю черту.

Его мощное тело обмякло, он уткнулся лицом в изгиб моей взмокшей шеи, тяжело и прерывисто дыша. Разрядка на секунду оглушила его — глаза были открыты, а пальцы, до этого сжимавшие мои запястья, наконец ослабили хватку.

Меня затрясло от бешеного выброса адреналина. Ужас случившегося вернул мне остатки сил, выжигая действие успокоительного. Воспользовавшись его минутной слабостью, я рванулась всем телом, выдирая испачканную руку и запястья из его ладони. Эмин глухо рыкнул, попытался перехватить, я уже сползла с кровати, едва не упав на ковер, и судорожно одергивая подол платья.

Он приподнялся на локтях, и его затуманенный, но мгновенно ставший свирепым взгляд фиксировал мою фигуру в полумраке.

— Ле, стоять! Куда суету наводишь?! — прохрипел он, сбрасывая ноги с постели.

Я не стала слушать. Лихорадочно вытирая ладонь о ткань юбки, я бросилась к двери. Судорожно дернула ручку, щелчок показался грохотом. Выскочила в коридор и не оборачиваясь, помчалась прочь. Позади раздался топот чьих-то шагов и яростный мат, басы музыки снизу заглушали всё вокруг.

Я неслась мимо пьяной толпы внизу, выскочила через заднюю дверь особняка во двор и рванула к приоткрытой кованой калитке. Я бежала на темную, глухую окраину Каспийска. Ночной ветер с моря швырял в лицо пригоршни песка и пыли от бесконечных коробок новостроек, тянущихся до самой Махачкалы. Впереди, на трассе, тускло горели огни. Я бежала вперед, не разбирая дороги, содрогаясь от омерзения и слез, с одной единственной мыслью — скрыться, исчезнуть, пока позор и стыд не настигли меня на темной дороге.

Глава 2

Утро выдалось на редкость хмурым для каспийского лета. Пахло мокрым асфальтом и морем, запахом, который появляется только после ночного дождя. Я собирала вещи, когда дверь без стука распахнула Амина.

— Ты специально уехала, не дождавшись меня?

— А ты специально ушла и не вернулась.

— Я отходила на пять минут!

— По часам засекла или по секундомеру? — я не обернулась, продолжая складывать одежду.

Она замолчала. Это было на неё не похоже — обычно у неё на любой вопрос находился десяток оправданий.

— Ты расскажешь мне, что случилось?

— Нет.

— Еся...

— Я сказала. Нет! — Я наконец посмотрела на неё с болью, с обидой. — Тебе правда интересно, или ты просто хочешь убедиться, что тебе ничего за это не будет?

Она вспыхнула, и на смуглых скулах проступили красные пятна — у неё всегда так видно, когда она злится, в отличие от меня, бледной до прозрачности.

— Думаешь, одной тебе тяжело? Меня через месяц отдают человеку, которого я ни разу толком не видела, а ты устраиваешь драму из-за какой-то спальни!

Мне было её по-настоящему жаль. Но мама Амины мечтала, чтобы её дети были хорошо устроены в жизни, денег у них было не густо, так что ни её, ни её сестёр никто никогда не спрашивал.

— Это конец, — произнесла я, и она поняла, о чём. Открыла рот, пока я закрывала молнию на сумке, а потом хмыкнула.

— Ну и ладно, не сильно-то нужно было. Ты всегда была скучной дурой.

Слышать такое от неё было еще больнее. Не все мои дружбы заканчиваются так печально. Я обернулась, разглядывая, как она заправляет чёрный локон за ухо и подбоченивается. Солнце из окна падало ей прямо на волосы, и они блестели почти синим, вороньим отливом — моим, выгоревшим за лето до соломенной желтизны, такое и не снилось.

— Запомни эти слова, Амина. Запомни, что ты их сказала.

— Вали уже, — перебила она. — Твоя машина с нянькой уже у ворот. Передай Рустаму, что всё кончено.

Мне хотелось сказать: пусть сама передаёт. Я взяла сумку, посмотрела на уже бывшую подругу. Какая разница, что говорить, всё равно уеду на учёбу через неделю. А за учебный год много воды утечёт. И права была она — у меня, в отличие от неё, не было рейсовых автобусов. После моего аппендицита в двенадцать, когда я грохнулась в обморок и рассекла голову за ухом, отец прикрепил ко мне машину с охраной.

— Сука, — бросила она мне в спину. — Вали в свою Москву, подальше от всех нас.

Дверь захлопнулась раньше, чем я успела подобрать слова.

Водитель молча вёл машину вдоль побережья, и я весь путь смотрела в окно на искрящуюся воду, на чаек, сидящих рядами на волнорезе, стараясь не думать ни о чём вообще.

Случилось и случилось.

А потом была Москва. Осенняя, разноцветная с листопадом, совсем не похожая на дом — она не пахла морем, только бензином, мокрой плиткой в метро и чьим-то чужим парфюмом

в переполненном вагоне. Каждый раз я привыкала к изобилию запахов всю первую неделю и так и не привыкала до конца.

Спустя два месяца телефон завибрировал в сумке посреди лекции по строительным материалам — профессор монотонно рассказывал про марки бетона, за окном падал первый неуверенный снежок, и весь поток, не отрываясь, пялился именно на кружевные хлопья, а не на доску. Номер высветился отцовский, и я, стараясь не шуметь стулом, вышла в коридор.

— Где ты? — голос у него был не обычный, спокойный, а какой-то сдавленный.

— В универе на парах.

— Я заказал билеты, ты летишь домой.

Я прямо ахнула.

— Как домой? Зачем? И надолго?

— Дома поговорим.

— Папа, скажи хотя бы что-нибудь... умер кто?

— Есения. — Он выдохнул, явно раздражаясь. Больше он злился, только если речь шла о маме. — Не умер. Но умрёт, если ты продолжишь задавать вопросы. Собирайся, я дома всё подробно расскажу.

Я уже и не знала, что спрашивать. Что ни скажи, в таком состоянии всё вызовет у него гнев.

— А на сколько, — уточнила я всё-таки, надеясь, что хоть это как-нибудь даст понять, что происходит.

— Навсегда.

Он бросил трубку. Я пару секунд так и стояла, разинув рот, рассматривая сотовый. Может, я ослышалась? Может, взять академ? Хуже не будет, если напишу заявление по семейным обстоятельствам. Мимо шли студенты в мокрых от снега куртках, кто-то смеялся, кто-то жаловался на препода — обычная жизнь, которая вдруг показалась чужой, будто я уже из неё выпала.

Я думала, будет семейный совет, как минимум ждала в аэропорту брата. Но у выхода из зала прилёта меня встречал только водитель. Всю дорогу до Махачкалы я пыталась его разговорить — бесполезно. Он только качал головой и сильнее сжимал руль, поглядывая на меня в зеркало заднего вида, и молчал.

— Отец сам вам все скажет, Есения Витальевна. Это не моё дело.

Дом встретил тишиной. Не было слышно ни голоса прислуги, ни звона посуды на кухне, ни привычного запаха — обычно в это время к нашему возвращению жарили чуду или ставили тесто на хинкал, и дом насквозь пропитывался теплом знакомых ароматов. Сейчас пахло только остывшим камином и чьей-то сигаретой — отец не курил при мне никогда.

Он сидел в кабинете, и когда я вошла, поднял на меня глаза — чужие, будто за несколько месяцев он стал совсем другим человеком. Волосы на висках у него вдруг показались мне совсем седыми, хотя раньше была видна только чёрная, смоляная густота, без единой искры серебра.

Сам кабинет всегда такой упорядоченный, показался чужим. Тяжёлые шторы приглушали дневной свет, оставляя желтоватый отблеск настольной лампы. На полу лежал табасаранский ковер, заглушающий шаги, а в воздухе висел шлейф знакомого парфюма отца с нотами кожи. Он сидел за массивным дубовым столом, его пальцы нервно постукивали по папке с документами. Я видела, как его челюсть напряглась, когда он услышал мой вопрос.

— Здравствуй. Где Рустам?

— У Адаева.

— Где?

— В плену, Еся. — Он произнёс это так, будто само слово обжигало ему рот.

Я опустилась на стул напротив.

— Что?

— ...

— За что?

— Порт делят, — отец потёр лицо ладонями. — Адаевы и Махачевы который месяц воюют за причалы и за грузы. Твой брат оказался не на той стороне в неподходящий момент. И вообще всё похоронил…

У меня не было слов, я только хлопала глазами, не в состоянии переварить услышанное.

Отец назвал сумму, от которой внутри всё оборвалось. А на лбу будто высветился вопрос — КАК?! Как можно СТОЛЬКО задолжать?

— Он играл, лез в сделки, которые его не касались, брал в долг у людей. Всё втихую. У них нельзя было занимать. А когда пришло время отдавать — продал информацию Адаеву. Думал, прикроет.

Я смотрела на отца и не верила. Вот почему я тут.

— И что теперь? Мы заплатим? Мы…

— Таких денег нет ни у меня, ни у кого в этом городе.

— Тогда что? Что вообще происходит?

— Есть вариант. — Отец встал, подошёл к окну, остался стоять спиной ко мне, пока я тихо стаскивала с себя куртку, разглядывая его домашний бордовый халат и не понимая, что бросаю одежду прямо на ковер. А сама встаю на ноги, потому что он не смотрит, не оборачивается…

— Он отпустит Рустама? Закроет долг в обмен на какое-то условие. Какое?

Он не ответил, и его молчание испугало меня больше любых слов.

— Какое условие? Папа!?

Отец обернулся, и в его глазах стояло что-то, чего я никогда раньше не видела. Решение. Полное и окончательное.

— Сядь.

Я послушно опустилась обратно на стул, чувствуя, как земля уходит из-под ног ещё до того, как он произнёс хоть слово.

— Ты знаешь, какое?

Да, знаю… уже знаю… Сердце перестало качать кровь, лёгкие не пускали догадку с воздухом внутрь, сбивая дыхание на выдохе, без возможности вдохнуть.

Глава 3

— Я правильно понимаю, что ты хочешь подложить меня под старика?

— Не хочу, дочка, не хочу, — отец моментально опустил глаза в пол, пряча от меня взгляд.

Для него, главы семьи и уважаемого в республике мужчины, произнести такое сродни капитуляции перед собственным ребенком.

— Зачем ему жениться на мне? Он же старый! — я выдохнула, почти теряя сознание от внутреннего напряжения. — Разве он уже не женат? Не мог взять какую-нибудь покорную горянку из горного аула, которая будет беспрекословно слушаться его мать? И вообще... он же на Амине собирался жениться! На Амине! Семьи ведь уже обо всем договорились, никах был на носу! Что произошло, пап?!

При упоминании моей подруги отец нахмурился, дёрнулся, так что его широкие плечи слегка опустились, как будто несли невидимый, неподъемный груз ответственности перед всем нашим тухумом.

— Если бы, было бы не плохо, но Шамилю нужна не она. Он не стал оформлять с ней брак.

— Почему?

Вопрос конечно дурацкий, но все же. Я общалась с нашими в чате, говорили, что она вышла замуж, но значит не совсем замуж, значит — Никах. Но почему?

— Потому что ему нужна ты… Он всё переиграл, сказал, что если я не отдам тебя, то потеряем всё. Абсолютно все. Все к чертям собачьим!

— Только если у нее с ним не никах, — мой голос дрожал, а внутри всё сжималось от страха непонимания, от шока. Я и она - обе жены. Да, что я сделала перед Аллахом… чтобы оказаться с бывшей подругой в одной упряжке — жена и любовница, да еще под одной крышей. А ведь, по сути, так и есть, чтобы не болтали в чате, что она законная жена.

— Что ему вообще от меня надо?

Отец тяжело вздохнул, избегая встречаться со мной взглядом. Ему было стыдно, тяжело, не знаю, что он на самом деле чувствовал. Но не ему все это нужно было переживать, а Рустаму.

—Я бы не стал просить тебя об этом, если бы не считал единственным выходом. По нашим законам слово отца закон, но я... я прошу тебя. Прошу, Есения.

Я подпрыгнула на ноги со стула так словно, кто шило воткнул, только слезы не сдержала.

— Просить? Это ты называешь просить? А как же я? Моя жизнь? Мой намыс, в конце концов?!

Он сделал шаг ко мне, и я отступила, не в силах принять его фальшивое утешение.

— Чтобы ты была в безопасности. Он человек… — голос у него стал тише, перейдя почти на шёпот. — Который сможет обеспечить, защитит и будет стабильность. Я не могу, сейчас нет. Тебе. Его огромные связи прикроют наш род от любой беды.

Я в потрясении закрыла глаза, пытаясь осознать услышанное.

— Не знаю, смогу ли я, — прошептала, чувствуя, как теряю что-то важное… может веру в отца?

Оно ведь понятно, что не смог, не справился… а в петлю мне. И все равно ничего не укладывалось в ясную картину.

Отец снова попытался заговорить, но я подняла руку, останавливая его:

— Нет.

А за ним, как обрыв в горах… только на его лице. В глазах с паутиной морщинок откатилась мягкость, выражение сменилось на самую суровую непреклонность горца. Та появлялась в нашем доме не часто, только когда были неприятности.

— Что я должна понять? Что нет выбора, что я вещь? Это ты хочешь сказать, верно? – мне хотелось крутануться и бежать… из дому, из города, из Дагестана…

— Если ты не согласишься, последствия будут катастрофическими. Не только для тебя, но и для всего нашего тухума. С нас спросят за каждый рубль долга твоего брата, Еся. Опозорят на весь Дагестан. Это я хочу сказать!

Я всхлипнула, не веря своим ушам. Как он мог так говорить? Разве я не его дочь, разве по нашим обычаям он не должен был меня защищать любой ценой, укрыв за стенами родового дома?

— Ты мне угрожаешь, — я не спрашивала, просто констатировала факт, стараясь справиться с нахлынувшими эмоциями.

Слёзы катились по моим щекам.

— Наоборот, — его холод в тоне, говорил, что я для него все-таки дурочка. — Этот брак, единственный шанс сохранить всё, что у нас есть. Без него мы можем всё потерять. Пойти по миру, остаться без чести и имени.

Внутри всё разрывалось на части, будто кто-то методично рвал страницы с будущим из книги моей жизни. Я не хотела жить в кошмаре, но такой брак это же будет он самый. А выходов не оставалось — только стены, стены, стены консервативных запретов, сжимавшиеся с каждым днём. Выбор без выбора, который я не могу, не должна была делать, и жизнь не жизнь.

— Я правильно понимаю, мы говорим? — мой голос сорвался на шёпот, не справляясь с ударом. — Ведь это тот самый Шамиль Адаев, главный по теневым портам Каспия. Его ты говорил имя, по коридорам власти матерят как предупреждение? О его жестокости в Махачкале ходят легенды! Ты понимаешь, легенды. Души нет, одни интриги и миллионы теневого нала, который он через свои новостройки на побережье легализует! С ним же ни один человек в республике спорить не посмеет! Только Рустам смог! Он герой!

Отец вскинул голову, и в его строгом взгляде впервые за весь разговор вспыхнуло неодобрение. Всё, я уже четко видела, как он переобулся. От бессилия я заламывая руки, схватила себя за плечи.

— Теперь Шамиль Адаев спаситель рода!? Да?

— Замолчи, Еся. Не смей повторять бабские сплетни, — у меня сердце сжалось, потому что да я плачу и истерю, но он… он паникует. — Шамиль, человек слова и железной дисциплины. Да, он жёсткий. Время такое, слабаков Каспий быстро ломает. Только глупцы называют это жестокостью, а это дочка, просто отточенный годами ум. Он порядок держит там, где другие давно бы всё развалили.

— Порядок?! Да он же монстр ходячий! Он же не просит у тебя верно? Он выкатил цену и все. Умом или оружием?

— Хочешь смерти брата, — тихо, но с глубоким разочарованием отозвался отец, и его ладонь припечатывая опустилась на стол. — Он берёт на себя риски, о которых мелкие коммерсанты как я, даже подумать боятся. Его называют безжалостным те, кто проиграл ему в честной борьбе. Для своего тухума, для своих людей Шамиль каменная стена. И если он забирает тебя в свой дом, ты будешь в безопасности! А Рустам вернется домой.

Не могла я успокоиться. Рустам вернется домой, а я? Я — нет!

— Что у тебя с ним? Может, если мы будем честны друг с другом, то сможем найти выход вместе. Уедим из Дагестана, спрятаться в Москве! Он отпустит Рустама.

— Спрятаться? — он поднял на меня взгляд, и в его глазах мелькнуло не только разочарование, но и беспросветная усталость. — Ты думаешь, я не искал его? — отозвался отец глухо, будто из-под толщи лет и невысказанных слов.

Он отодвинул папку и провёл рукой по лицу, оставляя следы давнего напряжения.

— Па-па... — умолять это все равно, что есть на обед, ужин и завтрак горечь. — Он не тот, кем кажется. Почему нельзя обратиться к Темирханову, он же наш друг? Твой кунак.

При имени Руслана лицо отца вытянулось, и он разозлился.

— Может, ещё у Османовых помощи попросить, так сразу и на поклон, и в могилу! И не только брата, а всех и вся.

Будто в комнате стало холоднее. Отец встал и подошёл к окну, спиной ко мне, глядя сквозь щель в шторах на суетливую улицу Махачкалы. Его плечи, всегда такие прямые, сейчас выглядели согнувшимися под невидимым бременем.

Я подошла, думая, что может прикосновение поможет…

— Ты права… Шамиль не такой, — он вздохнул и на мгновение прикрыл глаза, как будто собирался с мыслями, а затем отдёрнул мою руку, когда я попыталась коснуться его. — Я не могу рассказать тебе всего, слишком опасно. Просто поверь, я стараюсь как лучше ради нашей семьи.

Я отшатнулась, разглядывая его сквозь пелену слез.

— Нет, не стараешься… Продаешь и Рустам ценнее меня. Ценнее нас всех.

Глаза отца сверкнули от не сдерживаемых эмоций. Он пытался держать себя в руках, но суровый темперамент уже брал верх.

— Ты думаешь, можешь всё решить?! — перешел он на крик, и его мощный голос заставил зазвенеть хрусталь в люстре. — Не та ситуация, где можно легко поговорить, выплатить отступные или просто вернуть долг! У него огромная власть, силовики на блокпостах перед ним по струнке стоят, и он не остановится ни перед чем! Оставь свою дурость и наивность.

Я ошеломлённая его внезапным гневом и безысходностью, стихла… не в силах связать прежнюю жизнь с этой будущей.

— Я же хочу помочь.

— Уже нет, — продолжил отец. Его голос неожиданно упал, растворился в штиль. — У него есть документы, которые могут полностью уничтожить наш бизнес и весь наш род. Всех нас! Я не знаю, как с этим бороться, но я должен защитить тебя. То, что его мать приняла его сторону и дала благословение на этот брак везение. Она тоже понимает, что иначе нашему тухуму конец, и поверь, она была бы только рада.

— Но он же не расторг прошлый уговор с семьей Амины, верно?

Я отчаянно цеплялась за последнюю соломинку, взяла отца за руку, стараясь получить хоть какую-то надежду. Он не мог жениться дважды. Я точно знала, что свадьбы не было.

— Он не может, — пыталась я верить в собственные слова. — Мы должны быть вместе, и тогда у нас получится. Давай попробуем ещё раз, уже вместе.

Отец посмотрел на меня снисходительно, но я увидела, как его глаза налились пренебрежением.

— Нас это не касается, и никакого выхода мы не найдём, — проговорил он с убеждением. — Иди и собирай вещи. Через три часа приедет машина, и его люди тебя заберут в Каспийск. А твой брат вернется домой.

Мир наконец рухнул. Хотела я верить в это или нет.

— Нет… Я не могу так! Это неправильно!

Я обхватила себя руками, будто пытаясь защититься от новой безумной действительности. Отец продолжал стоять на своём, его решимость казалась непреклонной, а я не была готова к ней. Совсем.

— Пап, пожалуйста, прошу… — прошептала я, всё ещё надеясь достучаться до его сердца. — Умоляю… Я не могу просто вот так уйти в чужой дом против воли.

Слёзы текли по щекам, и я больше не могла сдерживаться. Забыв о гордости, в полном отчаянии я упала на колени перед отцом, намертво обхватила его ноги, как будто они были единственным, что могло удержать меня в прежнем, безопасном мире.

Но это не помогло…

Глава 4

Рустам ведь до последнего думал, что в Махачкале можно бесследно исчезнуть. Думал, что Адаев укроет его. Тот забрал информацию, и отпустил. Не стал ничего объяснять. И Рустам будто забыл, что в этой республике у Махачевых всё схвачено. Стоило ему попытаться тайно выехать из города на машине, как сработали «шерстяные» связи Эмина среди силовиков. На первом же вооруженном блокпосту между районами автомобиль прижали к обочине суровые люди с автоматами якобы для проверки документов, а через пять минут туда с ревом подлетели тонированные в «бункер» внедорожники.

Пацаны-бойцы ММА из окружения скрутили Рустама прямо на глазах у послушных полицейских, бросили в багажник и привезли в глухой бетонный бункер под прибрежной зоной Каспийска.

И винить в случившемся Рустаму было абсолютно некого. Адаев выполнил часть своей сделки. Только вот удивительное дело не спрятал…

Тусклый свет одинокой лампочки мерцал, отбрасывая дрожащие тени на сырые, бетонные стены подвала. Эмин стоял абсолютно неподвижно. Его сшитая на заказ экипировка контрастировала с грязным, залитым кровью полом.

Он медленно снимал перчатки, пальцы в белой резине скользили по коже с почти ласковым, пугающим вниманием. Его младший брат Гамид, куда более грубый, с налитыми кровью глазами и диким горским темпераментом, нервно переминался с ноги на ногу, сжимая в кулаке насквозь пропитанную кровью тряпку.

— Ну что, сабур, дружище... — голос Эмина звучал мягко, с легким кавказским акцентом, будто он обращался к старому кунаку, а не к избитому в мясо Рустаму.

Связанный затравленно дёрнулся, когда тот провёл большим пальцем по его разбитой губе, стирая свежую каплю крови. Замер, не смея дышать, чувствуя, как знобит от ощущения холода и пот каплями стекает по спине вдоль позвоночника.

Рустам хотел бы усмехнуться, пусть горько, пусть криво, но не мог, тяжело принять мысль, что ты тот, кто всех продал…

— Ты ведь знаешь, зачем ты здесь?

Эмин наклонился ближе, его дыхание пахло дорогим выдержанным коньяком и терпкой аджикой.

— Теперь готов рассказать нам, о том как именно ты слил информацию Адаеву? — спросил Эмин, его вопрос звучал не раскатисто, низко и угрожающе, без единой капли человеческой жалости.

Рустам мелко дрожа всем телом, поднял умоляющие, полные слез глаза на абсолютно беспристрастных парней. Промолчал, стиснув в последнем жалком усилии выбитые зубы. Гамид, не вынося долгого молчания и презирая чужую слабость, сделал шаг вперёд и, с лязгом открыв коробку, достал из неё что-то, что зловеще блеснуло в тусклом свете желтой лампочки.

— Ле, брат, я думаю, этот кусок дерьма просто не понимает, в каком он оказался положении, — хмуро заметил он, рыком, как скользящее по стеклу лезвие.

Эмин кивнул, не сводя суровых, черных глаз со своей жертвы.

— Ты хоть понимаешь, что у нас нет времени на твои дешевые игры? — сказал он, и его терпение, казалось, было на самом исходе. — Говори всё как есть, и мы, возможно, проявим к тебе каплю милосердия.

Рустам отчаянно задыхался от страха, его перепуганный, затравленный взгляд метался между братьями. Наконец, он хрипло, со свистом выдохнул:

— Я... я все скажу. Только, ради Всевышнего, пожалуйста, не надо больше...

Эмин слегка оскалился, обнажив ровные белые зубы, но в его темных глазах не проявилось тепла.

— Вот и хорошо. Красавчик, — сказал он, давая короткий знак Гамиду пока отложить инструмент. — Начинай свою исповедь, и не забудь ни одной, даже самой мелкой детали.

Пленник, тяжело и сипло дыша, мучительно пытался собраться с разбегающимися мыслями, прекрасно понимая, что его никчемная жизнь висит на тончайшем волоске. Он знал, что сейчас должен говорить максимально быстро и чётко, иначе его ждёт неминуемая, кровавая расплата.

— Шамиль... Шамиль Адаев обещал мне полную защиту от вас, — начал Рустам, сорванным выдохом. — Я клянусь, я не знал, что всё так обернется... Думал, мы договорились с Османовыми, всё будет по-другому... Я просто хотел спасти свой бизнес в порту!

— Османовыми?

Эмин, словно хищный барс, замер и перестал обходить стул по кругу. Его сильные пальцы скользнули по холодному лезвию коллекционного ножа, бережно собирая багровые капли чужой крови. И в бетонном подвале внезапно стало так тихо, что отчетливо слышно было, как тяжелый пот капает с разбитого подбородка пленника прямо на серый бетон.

— «Думал»... — Эмин внезапно, с чудовищной силой вонзил свой нож в деревянный подлокотник, ровно в одном сантиметре от дрожащих пальцев пленника. — Ты вообще умеешь думать своей тупой башкой? Ты слил Адаеву информацию про наши грузы, чтобы под его крыло сбежать от Османова? Устроил замес, стравил нас, и пока мы с Адаевым, терли слил нас Османову. Я ничего не упустил?

— Давай его просто кончим, - Гамид презрительно рыкнул, зло перекладывая паяльник из одной руки в другую. Металл на конце уже угрожающе раскалился докрасна, излучая жар.

Рустам крепко зажмурился, ожидая боли, но слова вырывались из его окровавленного рта, как пули из обоймы:

— Я отдал ему всё! Адаев сказал... что у него теперь есть мощнейший компромат на тебя! На весь ваш тухум!

Эмин замер, как вкопанный. В эту секунду ему открылось понимание потрясающее в масштабе угрозы, от чего даже отмороженный Гамид предпочел отступить на шаг назад.

— Если Рустам слил инфу на нас Адаеву, - прошептал он севшим голосом. — То тому легче все слить Османову, чтобы его руками и сразу всех. Он получит контроль над портом, Османову мелочь ни к чему, а мы исчезнем.

Наступила оглушительная тишина, а потом последовал молниеносный удар пудовым кулаком прямо в живот. Рустам согнулся пополам, захлебываясь желчью и рвотой.

— Какой ещё, мать твою, компромат? — голос у Эмина больше не звучал мягко.

Пленник, захлебываясь собственным кашлем и задыхаясь, сипло выдохнул всего одно имя:

— Через… сестру... Есению... на всех.

Эмин сурово нахмурился, его железное терпение вновь стремительно начинало иссякать. Он вспомнил ночь в Каспийске. Ее слезы, ненависть и то, как ее хрупкая дрожащая ладонь сжимала его раскаленный член перед тем, как она сбежала. Не уже ли бы ее отец доверил ей что-то важное. Ей девчонке?

— Да, она же кукла всего то, - отозвался Гамид, посмотрел на брата не веря Рустаму ни на секунду. — Ты тварь, прикрываешься бабой?

— Нет, нет, я не вру, - засипел Рустам. — Они договорились, отец отдаст ее ему.

— О, так вы ее слили за тухум, - иронично заметил Гамид.

Пока Эмин думал.

— Ей все равно конец, - с горечью отозвался Рустам. — Когда Адаев узнает, что она была в твоей постели, между тухумами вспыхнет новая война.

— Вы ее подставили, - произнес пораженный Эмин.

— Амина не будет молчать, - кивнул Рустам.

— Адаев всегда был крысой, всегда играет на два фронта, — зло пробормотал Гамид, стоя рядом и скалясь. — Но ты, гнида, знал, во что ввязываешься, когда пошёл на этот расклад.

Рустам судорожно кивнул, его глаза были полны абсолютного, черного отчаяния.

— Они назначили точку, — пробормотал он едва слышно, словно искренне надеясь, что если он скажет тише, признание не станет страшной правдой. — Завтра... в порту... Адаев пустит в расход всех ваших людей...

На долгое, мучительное мгновение в подвале стало слышно только сиплое, прерывистое дыхание пленника и жуткий скрежет челюстей Эмина. Когда Гамид звонко щелкнул бензиновой зажигалкой, яркое пламя на секунду осветило лицо Эмина — оно было абсолютно неподвижным, высеченным из камня, как посмертная маска, но в глубине его зрачков бушевал настоящий ад.

— Расправа? — Эмин произнёс это слово так фатально, будто горечь судьбы была ему известна на перед. Его стальные пальцы сомкнулись, жестко сжимая окровавленное горло Рустама, короткие ногти глубоко впились в кожу, перекрывая кислород. — Где она?! Отвечай!

— Кто?

— Сестра твоя блядь где?

Пленник отчаянно захрипел, его веки дико дёргались в предсмертной панике. Гамид шагнул вперед и с садистской ухмылкой придвинул раскалённый паяльник вплотную к лицу жертвы — в густой темноте подвала раскаленный металл светился зловещим, пульсирующим оранжевым светом.

— Машина... машина Адаева уже едет к нашему дому! — Рустам судорожно выдохнул, физически чувствуя, как от невыносимого жара пахнет собственной палёной кожей. — Никах переиграли! Отец отдает её Шамилю прямо сейчас, чтобы закрыть долги по моему бизнесу! Он сдал её, чтобы Шамиль меня укрыл...

Эмин с отвращением, отшвырнул его голову в сторону, брезгливо вытирая ладонь. В слабом свете подвала звонко зазвенели ключи от бронированных джипов.

Мысль о том, что девчонка окажется в руках Адаева, прошила его яростным, собственническим инстинктом. Она ведь ни чем не была виновата…

— Гамид, — голос Эмина резал пространство, как острая дагестанская шашка, — Собери наших людей. Бери только тех, кто умеет молчать. С этой падалью разберемся позже.

Братья без лишних слов понимали, что времени на раскачку осталось критически мало. Если они прямо сейчас не смогут остановить людей Адаева и перехватить людей Османова последствия для их влияния в городе будут просто катастрофическими.

— Мы должны успеть раньше, — Эмин рванул черную кожаную куртку, на ходу проверяя обойму боевого пистолета. От него шлейфом веяло «Черным Афганцем» и жаждой крови.

Глава 5

Воздух окоченел, когда посланник Шамиля переступил порог. Взгляд у мужчины был колючий. Он цинично-оценивающие скользнул по мне, по разбросанным вещам комнаты, по стенам, которые больше не были крепостью.

— Нет... — вырвалось у меня, стоило ему двинуться.

Что для них такая как я? Ведь меня они забирали с привычной властью их тухума — он прекрасно знал, что любое сопротивление здесь бессмысленно.

Я отступила, лодыжками уперлась в край кровати.

Он не стал ждать. Два быстрых, по-звериному хищных шага — и его тяжелая рука крепко сжала запястье, пальцы впились в кожу. Острая боль пронзила руку до самого локтя, я вскрикнула. И что самое плохое это доставило отморозку удовольствие.

И вот здесь задать бы вопрос, что не так? Разве так забирают невест из дома отца?

— Думаешь, у тебя есть выбор, красавица? — голос прозвучал почти ласковым шепотом, но в темных глазах незнакомца читалось что-то абсолютно животное. — Шамиль ждет, а когда он ждет, лучше не заставлять его нервничать. Для твоего же блага.

Он грубо дернул меня за руку, заставив сделать шаг вперед. Я споткнулась, едва не полетев на ковер, но он не дал упасть — бесцеремонно жестко перехватил за талию, впечатав в свое твердое тело.

Комната внезапно стала казаться слишком маленькой, стены будто сжимались вокруг меня, перекрывая кислород. Плюшевый мишка, последняя наивная ниточка к маме, впивался в мои ладони, словно умоляя не отпускать.

Отец застыл в дверном проёме — бессердечная статуя, сотканная из страха за жизнь брата и трусливого, молчаливого предательства. Он глава моей семьи. Его глаза избегали моих, и это было в тысячу раз больнее, чем впивающиеся пальцы чужака в руку.

— НЕ ПОЕДУ! — Я упёрлась босыми ногами в пол, пытаясь затормозить, но мужчина дернул сильнее, заставив двигаться.

Его дыхание пахло чем-то металлическим — кровью? Дорогим парфюмом? Он наклонился:

— Будешь выть, получишь ремнём по голой спине прямо в машине. Шамиль ненавидит нытиков. Держи свой намыс, хотя бы сейчас, и не позорься.

— Папа!

Отец сделал неуверенный шаг вперёд и я замерла, сердце ёкнуло глупой, отчаянной надеждой, но он поспешно захлопнул дверь за нами. И последнее, что я увидела, его крепко сжатые кулаки вдоль туловища. Он мог бы остановить это безобразие. Мог бы защитить дочь от неуважения, но не захотел. И я откровенно не понимала – почему?

— Пусти!

Грубо посланник толкал меня к одной из машин, его пальцы впились, н даже не замедлил шаг — элементарно тащил за собой по двору, будто я была мешком с мукой. Его дыхание и хриплый издевательский мат резал слух, как ржавая пила по металлу.

— Думаешь, слёзы помогут? — швырнул меня на заднее сиденье огромного затонированного джипа. Замер на секунду разглядывая, глаза хищно блестели в тени салона, ему откровенно нравилось насилие. — Шамиль любит, когда его девки плачут. Особенно в первую ночь, хотя для такой, как ты будет не первая…

У меня от шока просто не было слов на его слова. Что имелось ввиду, и так было понятно. Ни отец, ни он не считали меня девственницей. И что самое кошмарное, непонятно почему. Откуда?

Дверь захлопнулась с лязгом, через тонированное стекло я видела, как отец стоит на крыльце — его руки заметно дрожат, но он не сделал ни единого движения, а моя душа и жизнь рвалась в клочья.

Я бросилась к окну нажимая с болью кнопку, пока то ползло с убийственной неторопливостью.

— Я девственница, - закричала я ему, давясь слезами. — Девственница! Папа!

Тяжелая машина дёрнулась с места, и дом, мой отец, начали быстро уплывать вдаль, как тонущий корабль, который я больше никогда в жизни не увижу.

— Не смотри назад, — рявкнул водила, выворачивая руль на трассу. — Твоя новая жизнь началась.

Я же сжала кулаки с такой силой, что короткие ногти до крови впились в ладони. Слёз застилали глаза и где-то там, очень глубоко внутри — крошечный, тлеющий уголек ярости. Потому что все что происходило было дикой несправедливостью. И что самое плохое, Адаевы увозя меня таким образом из дома показывали всему миру, что для них я, моя семья и мой тухум пустое место.

И куда меня везли тоже не известно? И зачем Шамилю такая как я, не понятно? Ведь если я порченная, то…

А спустя 2 часа машина начала тормозить, и я, не теряя ни секунды, бросилась к двери. Пальцы лихорадочно вцепились в ручку, но та была заперта на детский замок. Сидящий рядом посланник грубо перехватил меня за плечи, его толстые пальцы намертво впечатались в кожу. Ему было плевать, что мне больно, что я дергаюсь и царапаюсь — он лишь цокнул и наотмашь ударил меня по лицу. А потом хрипло гакнул, будто мой животный страх и шок были для него лучшей музыкой на свете.

— Тихо, сучка, — он жестко усадил меня обратно на кожаное сиденье. Его дыхание лизнуло мне лицо чем-то кислым, пока я приходила в себя от вспышки боли. — Никто у нас не любит шумных и строптивых.

Нельзя было сдаваться. Нужно кричать! Стоило мне набрать в легкие воздуха, чтобы привлечь к себе внимание, как он отреагировал мгновенно — грубо зажал мне рот ладонью, наваливаясь сверху и удерживая всем своим тяжелым телом, перекрывая любую возможность издать хоть звук.

Водила сбросил скорость, но останавливаться полностью не собирался. У обочины в полумраке блокпоста я разглядела высокую фигуру Эмина Махачева. Он стоял, опершись на капот внедорожника, окруженный своими людьми. Их стволы были нацелены прямо на нас, но и парни Шамиля в салоне уже сняли предохранители — тяжелое, избыточное вооружение Адаевых хищно поблескивало в окнах, демонстрируя готовность превратить этот пост в кровавое месиво. Эмин явно колебался, его палец лежал на спусковом крючке, но из тени шагнул Гамид. Он перехватил Эмина за локоть, заставив опустить оружие — связываться с настолько вооруженными до зубов людей Адаева сейчас было чистым самоубийством.

Водитель коротко моргнул дальним светом. Эмин, подчинившись тяжелому взгляду брата, зло сплюнул и махнул рукой своим людям, приказывая отойти. Наши машины с ревом проскочили заграждение.

— И что суки ищут, никак мудак у них, Заур, — процедил водила, глядя в зеркало заднего вида на удаляющиеся огни. — Надо Шамиля предупредить. Раз не забрали эту, значит что-то готовится. Ебаные сучки, дают кому попало, а нам потом огребать.

— Мой брат жив? — хрипло прошептала я из-под державшей меня ладони, чувствуя, как голос срывается, будто я непрерывно кричала часами.

Но Заур только издевательски усмехнулся, убирая руку.

А спустя еще час дверь наконец открылась, и меня вытолкнули наружу, едва ли не пинком под зад. Ноги предательски подкашивались от страха. Заур протащил за собой по идеальной

плитке двора к высокой чёрной двери огромного особняка, внутри которого только для виду пахло дорогими восточными благовониями и свежими розами…

Потом он грубо толкнул в спину, и я с размаху грохнулась на колени прямо перед хозяйкой роскошного дома — Хадижат Адаевой, матерью Шамиля. Её массивная деревянная трость гулко стучала по мраморному полу, и звук тяжелым эхом разносился по огромному залу, заставляя многочисленную прислугу застыть на местах в почтительном, парализующем молчании.

— Это та самая... невесть кто… — голос у нее оказался скребущим, надменный и едкий, заставляющий кожу моментально покрыться мурашками.

Жена отца Шамиля, вдова в строгом темном платье наклонилась вперед, конец её трости жестко поддел мой подбородок, заставляя поднять голову и встретиться с её страшными, черными глазами.

— Какая жалкая, бесстыжая дворняжка. Зачем ты ее притащил?

Я возмущенно дернулась, инстинктивно пытаясь отстраниться от унизительного прикосновения, но Заур мертвой хваткой сжал плечо, заставляя застыть на месте.

— Отпустите, молю, - едва слышно прошептала я, ощущай каждой клеткой своего существа, что меня здесь убьют, не иначе.

Хадижат лишь усмехнулась и её тонкие губы растянулись в улыбке, лишённой даже намека на тепло. По какой-то причине она меня ненавидела. Хотя я ее даже не знала.

— Шамиль любит... ломать своих дур, — она сделал разочарованный, обмораживающий душу знак рукой, словно отгоняя назойливую муху. А затем брезгливо осмотрела меня с головы до ног, и её старые, злые глаза были полны безразличия и презрения, как будто я была всего лишь неприятной пылью на её дорогом ковре.

— Я хочу знать, что случилось с моим братом, — сказала я, изо всех сил стараясь не дрожать. — Где Рустам? Что вы с ним сделали?

Хадижат слегка, с высокомерием приподняла бровь, её губы сжались в тонкую линию.

— Ты смеешь открывать свой грязный рот в моем доме? — прошипела она, и её черные глаза сузились от ярости. — После того, как перебрала всех Махачевых?!

Я задохнулась от шока, на мгновение забыв про страх.

— Это неправда! Ничего не было!

— Лживая дрянь! — трость с грохотом ударила по мрамору. — Есть свидетели! Сплетни о его больной одержимости тобой по всей Махачкале гуляют! Он ездил к тебе в Москву, не ты ли в чате вывешивала фотки. Ты притащила вонь нашего кровного врага в дом моего сына! Ты здесь не для того, чтобы задавать вопросы, — отрезала она, её голос звенел от негодования. — Ты здесь, чтобы понести наказание за свой позор!

Все что она произносила казалось бредом и безумием. Я в чате, фотки? Все это было чудовищной ложью, настолько нереальной, что не верилось. Кто же так меня ненавидит, чтобы все это организовать? А главное зачем?

— Покажите, - я старалась сдерживать обиду и гнев. — Покажите! Это не правда!

— Заткнись!!!

Её ледяной тон острой иглой вонзился прямо в сознание, и я внезапно с ужасом осознала — этот роскошный особняк не просто каменное здание. Оно прямое продолжение её непререкаемой воли. Каждый мраморный узор, позолоченная деталь кричала о безраздельной власти. И в моей груди вдруг вспыхнула ярость, жгучая и живая, вопреки всему давящему кошмару.

Отец говорил, что она чудом дала согласие на брак. Зная, что я якобы спала с Махачевыми, велела привести меня сюда? Уверенная, что мы любовники и у нас роман, приняла меня как будущую невестку?

Ее пальцы так яростно сжимали трость и она с таким омерзительным выражением рассматривала меня, что стало понятно, меня привезли не для брака. Ее сын вообще знает обо

мне? Или сделка была уже? Мой отец отдал ей меня, за Рустама. Что-то в голове не сходилось. Пока я думала, воздух в зале стремительно загустел, наполняясь удушливым ароматом её богатых арабских духов и скрытой, смертельной угрозы.

— Я вам никто. Отпустите меня, - произнесла я, стараясь говорить достаточно смирно, но твердо, чтобы не спровоцировать гнев. Капли холодного пота скользили по моей спине, но я упрямо поднимала подбородок. Её мир ядовитая паутина, но я ещё не запуталась в ней окончательно

— Закрой свой поганый рот.

— Я уеду отсюда сегодня же… клянусь. Никто не узнает. Прошу…

Тяжелая трость с пугающей скоростью ударила мне прямо в живот, мгновенно выбивая из легких весь воздух. Я со стоном упала на колени, согнувшись пополам, глотая слезы. Хадижат наклонилась еще ниже, её полный негодования шёпот обжег ненавистью:

— Ты трофей моего сына. И ты мне не нравишься. Еще одно поганое слово и ты пожалеешь об этом…

Она властно выпрямилась, с презрением оглядывая меня и то, как я пытаюсь встать.

— Выбирай.

— Идите нахрен! — выплюнула я, задыхаясь от боли.

Трость со свистом рассекла воздух и с чудовищной, отработанной точностью второй страшный удар обрушился мне на плечо — белая ослепительная вспышка боли, заставляющая челюсти сомкнуться до громкого хруста, застелила мне глаза. Третий удар безжалостно попал по рёбрам, и я услышала свой собственный осиплый, прерывистый вдох, будто мои лёгкие до краев наполнились битым стеклом.

— Маленькая грязная тварь! Позорница! — визгливый, полный ярости голос матери Шамиля рвался сквозь оглушающий шум крови в моих ушах. — Ты думаешь, у тебя, дешёвки, есть здесь право голоса?!

Трость взмыла снова и на этот раз со всей силы ударила по спине. Мое тело само рефлекторно сложилось пополам, а я, кусая губы до крови, упрямо поднимала голову, крича:

— Я... не... ваша... Вы с ума сошли!

Кровь на губах. Горячая. Солёная. Моя. Где-то вдали у стен замерла многочисленная прислуга, боясь даже дышать под гневом хозяйки. Хадижат била и била, дыша тяжело, со свистом, её морщинистое лицо покрылось уродливыми пятнами, но в глазах горел не просто гнев, в них читалось извращенное, фанатичное удовольствие.

— «*Тот, кто обидел беззащитную, уже проклят Всевышним*»...

Эту фразу произнес лакей, я не видела его лица, но его послание слова остановили ее.

- Замолчи Гасан, - рявкнула она, а в зале повисает звенящая тишина. А потом — раздался её каркающий рык.

Трость снова беспощадно захлестала по спине — глухой хруст, очередная белая вспышка невыносимой боли. Кровь на губах, слезы сами собой катились из глаз, смывая её с подбородка. Я инстинктивно прикрываю голову руками, пытаясь защититься, но она продолжала снова и снова, целясь в беззащитные рёбра.

— Гнида! Харамная дешёвка! — чужая брызжущая слюна долетала до моего лица. — Ты думаешь, мой Шамиль захочет такую бракованную, грязную жену?! Да ты позоришь весь наш род!

И где-то внутри меня что-то хрустнуло на ее очередной, самый сильный удар. Я сдвинулась на бок, свернулась беспомощным клубком у ног посторонних, равнодушных людей. Кожа горела огнем, в ушах грохотал непрерывный звон. Она дышала трудно, с хрипом, но не останавливалась ни на секунду. Трость снова наносила удары по рукам, по бёдрам, везде, где еще осталась целая, неповрежденная кожа.

— Ты... мусор... — шипела она, нависая надо мной. — Не жена. Не человек. Ты грязь.

Мир окончательно расплылся перед глазами. Испуганные голоса прислуги звучали где-то очень далеко, как сквозь толщу воды. Последнее, что я видела перед тем, как спасительная темнота накрыла с головой — дорогие, начищенные туфли, в пятнах моей крови.

— Выбросите её на нашу помойку, левая территория. Ей тут не место. Пусть гниет на радость уличным псам.

А потом уже был грохот железного мусорного бака и тошнотворная вонь гниющих отбросов. Меня безжалостно швырнули прямо на осенний асфальт, лицом в грязную лужу с бензиновой радугой. Колени скользнули по битым осколкам наледи, но боль уже не важна — я была свободна.

СВОБОДНА.

— Не сдохнешь тут, как последняя сука, уползай, — охранник с презрением плюнул мне вслед, и его тяжелый сапог пихнул меня по сломанным ребрам для верности.

Я лежала на асфальте, не разбирая смешанного аромата помойки и абсолютной свободы, зато слышала, как где-то далеко, во дворе роскошного дома Адаевых, истерично кричала на слуг мать Шамиля Адаева. Последнее, что я слышала угасающим сознанием — как её трость с треском ломает что-то очень дорогое.

Пусть ломает.

Смешно. Ох, как же это смешно…

Глава 6

Всё, что можно было спасти из происходящей катастрофы, Шамиль пытался удержать в своих руках. Чёртов шестерка Махачевых прямо сейчас сидел в сыром подвале их каспийского офиса, намертво привязанный к железному стулу. Есения, по его строгому приказу, должна была быть уже доставлена личной охраной в безопасное место — за высокие кирпичные заборы его особняка. Оставались только её никчемный отец и их дальняя родня, до которых Махачевы, а то кто и по хуже, могли дотянуться.

Шамиль ничего не мог поделать с чужими ошибками. Вечером или глубокой ночью в их дом придут люди, и будет кровавая расправа. Никакого шариатского суда или светского расследования. Ничего, кроме безжалостной разборки. Таковы негласные законы в его теневом мире, где всё решается правом сильного, и никто не прощает промахов. Кровь за кровь, жизнь за жизнь. Адат, который невозможно отменить. Он спас её жизнь и жизнь её никчемного брата, и значит, теперь девчонка у него в неоплатном долгу.

Так он думал, возвращаясь поздно вечером домой, разрезая ночную трассу Махачкала-Каспийск на затонированном внедорожнике. И все же, все же… совершенно неожиданно для себя Шамиль чувствовал, как тело охватывает не предвиденное, пульсирующее нетерпение. Сексуальное вожделение к ней буквально глушило его изнутри, перекрывая голос разума. Он физически ощущал, как необузданное напряжение растет в мышцах, и требует безотлагательной разрядки. Мысли в первые за много лет заняты только одним: как именно он будет утолять этот голод. Он пробовал решить этот вопрос иначе, но к его не облегчению, все другие кандидатки приносили лишь временное удовольствие.

В голове крутились яркие, навязчивые образы того, как девчонка будет ему принадлежать. Как нежные, сдавленные стоны заполнят звенящую ширину его постели. Фантазии об их неизбежной близости захватили его рассудок целиком. Шамиль в красках представлял, как прекрасное, идеальное тело отзывается на его несдержанные прикосновения. Как она постепенно, шаг за шагом, сломается и под натиском его горячей, кавказской страсти порочные стоны, до краев наполненные гремучей смесью жажды и удовольствия, будут звучать не только в его мыслях. Все это многократно усиливало его и без того накаленное эго.

Шамиль представлял, как нависает над ней, как его ладони с силой давят в шёлковые простыни по бокам её головы. Четко видел, как её зрачки расширяются в полумраке, а припухшие губы мелко дрожат при судорожных глотках воздуха. И это будет не страх. Нет. Далеко не только он, к сожалению, потому что он у нее будет не первым...

— Ты... не посмеешь... — будет шипеть она, пока ее тело, грудь будут вздымается все быстрее, а бёдра непроизвольно сжиматься в ожидании. Потому что, она наверняка будет разыгрывать скромность и невинность. Но всё её нутро влажное и пульсирующее выдаст ее. Он безжалостно сорвет тела сорочку, будет пальцами сжимать ей грудь — то слишком нежно, то слишком грубо, пока девчонка не начнет стонать и не кончит, не в силах противиться.

Шамиль чувствовал это так остро, будто всё происходило наяву.

Массивная входная дверь особняка захлопнулась за его спиной, сотрясая толстые стены. Шамиль ворвался в просторный мраморный холл, оставив за собой шлейф сырого ночного воздуха и неконтролируемой прыти. Его пальцы жали деревянные перила лестницы с такой силой, что дуб угрожающе трещал под напором. Взгляд — горящий, голодный — скользнул по собравшейся прислуге, заставив людей инстинктивно съёжиться и опустить глаза в пол.

— Где девушка? Её комната, — это был вопрос тигра знающий что добыча уже ждет. Слова падали тяжело, куски льда в нагретую до кипения воду и мгновенно растворялись в страхе персонала.

Потому что что-то было не так. Он это кожей ощутил, остановился, разглядывая как молодая горничная вздрогнула и уронила серебряный поднос с армудами. Звон разбитого изысканного набора разнёсся по всему холлу, заставив остальных вздрогнуть. Старший охранник заметно побледнел, его пальцы судорожно сжались на рации.

— В-в восточной гостевой спальне, хозяин... Но она...

Шамиль уже мчался по широкой лестнице, на ходу срывая с шеи галстук. Его невозможно было остановить. В голове пульсировало только одно: запах, мягкая кожа под грубыми пальцами, и предательский, сладкий стон, который должен был вырваться из груди, когда он...

Тишина в спальне задавила его, как рухнувший тяжёлый занавес. Дорогие простыни на широкой кровати были абсолютно не смяты, серебряная цепочка для игр разомкнутая, не тронута. К ней не притрагивались.

Шамиль замер в дверном проёме, его пальцы фатально сжались в кулаки, пока сбитые белые костяшки не побелели до синевы. Воздух в комнате сгустился до такой степени, что стало трудно дышать, как перед страшной грозой в горах.

— Где? — голос прозвучал утробно, почти рыком, и от этого стало в тысячу раз страшнее. Он вернулся на первый этаж к прибежавшей следом прислуге, и его глаза — чёрные, абсолютно бездонные — заставили даже самого смелого и опытного бойца из охраны отступить немного назад.

Где-то в коридоре что-то с грохотом упало. И этот звук, резкий, будто пистолетный выстрел, разорвал напряжённое, звенящее безмолвие . Старший охранник практически рухнул на колени, его голос задрожал, как сухой лист на ветру.

Шамиль сурово нахмурился, и в холле стало ещё тише, как будто все присутствующие разом затаили дыхание, боясь навлечь на себя его гнев.

— Она не в своей комнате, — тон Шамиля стал ещё более жестким, пронизывающим до самых костей. — Почему вы все так нервничаете? Что твориться в моем доме?

Один из людей, с трудом собравшись с духом, попытался объясниться:

— Мы просто… не уверены, Шамиль Магомедович. Мы не видели, чтобы её кто-то выводил за ворота.

Шамиль, сохраняя пугающее, неестественное полное самообладание, взглянул на них с таким выражением, что казалось, он мог видеть их жалкие души насквозь. Его стальное терпение находилось на самом исходе.

Что значит не видели? Или что значит не уверена? Она ушла, как на своих ногах, просто взяла и вышла за стены особняка, напичканного камерами, охраной, заборами…

На хрена тогда он всех их содержит?

Жгучая немота повисла на одну долгую секунду — ровно до того момента, как Шамиль перегретым, гневливым движением смахнул хрустальную вазу со стола. Осколки с грохотом разлетелись по мраморному полу, заставив одну из служанок тонко вздрогнуть.

— БЛЯДЬ! — животный рёв сотряс прочные стены особняка.

Его огромный кулак сокрушительно врезался в дверной косяк, оставляя на дорогом дереве кровавые следы от содранных костяшек. Он бешёнными глаза метался по комнате, выхватывая страшные детали: явные сдвиг ковра, смазанные капли крови на плитке у двери… В висках оглушительно за пульсировало, дыхание у Шамиля стало частым, прерывистым. Он уже понял, что это все значит.

— Вы... Вы все... — он задыхался от клокочущей ярости, его пальцы судорожно сжимали виски от страха, что она не сбежала, а хуже, — ПРОЕБАЛИ МОЮ СОБСТВЕННОСТЬ! Достаточно, — он разрезал воздух рукой, как ножом. — Мне нужна правда. Кто последний видел её? Немедленно выясните, где она, или я вас всех здесь зарою.

Охранники поспешно закивали и бросились врассыпную, четко осознавая, что любое промедление сейчас равносильно самоубийству.

В зал вошла мать. Хадижат двигалась, как надвигающаяся буря, скрытая в строгих темных одеждах. Тёмный шелковый платок на её голове едва шевельнулся, а надменный и оценивающий взгляд, презрительно скользнул по дрожавшей прислуге, по осколками вазы и по сыну. Комната замерла и казалось даже воздух, перестал двигаться под гнетом её непререкаемого авторитета.

— Она сбежала, как трусливая крыса, — властный материнский голос бряцал металлом, лизал острым лезвием ему сознание.

Шамиль не шелохнулся.

Не могла! Все его нутро и инстинкты вопили, что не могла. Только не спокойная дочь Романова. Он точно знал, что не могла.

Крупные пальцы Шамиля сжали край деревянного столика так, что тот угрожающе затрещал. В саду за панорамным окном качались на ветру розы — такие же алые, как та кровь, которую он прямо сейчас жаждал пролить.

— Ты позволил этому позору случиться, — мать сделала наступающий шаг вперёд, её грузная тень легла на сына. — Притащил в наш дом сучку, путающуюся с Махачевым. И теперь вся честь нашего тухума...

Шамиль хлестко обернулся. Его глаза превратились в два раскаленных угля на совершенно пепельном в искажении лице. Прислуга замерла, боясь даже вздохнуть. На Кавказе не принято повышать голос на мать. Харам. Немыслимое табу. Но прямо сейчас перед ней стоял не покорный сын, а взбешенный хозяин империи.

— Моя честь, — он шипел с такой смертоносной интонацией, что у присутствующих волосы вставали дыбом на коже. — Моя женщина. Моя месть. Где она, мама?

Хадижат с вызовом скрестила руки на груди и посмотрела ему прямо в глаза, не желая уступать ни пяди своей власти в доме. Тень Шамиля накрыла ее целиком, как черное, траурное знамя. Дыхание сына стало пугающе сдержанным, предрекающим нечто страшное и фатальное. Где-то за спиной у кого-то из слуг от нервного напряжения выпал из рук поднос, предметы разбились вдребезги, но никто в комнате даже не вздрогнул.

— Ты забыла, кто в этом доме хозяин? — он подошел к ней так близко, что её густые арабские духи смешались с его тяжелым запахом гнева и не пролитой крови.

Она не отступила ни на шаг, ее лицо оставалось непроницаемой высокомерной маской.

— Я воспитала тебя. И дала жизнь. И могу...

Шамиль перебил её не терпящим возражений движением — его широкая ладонь с глухим ударом врезалась в стену. Дорогая итальянская штукатурка осыпалась прямо за воротник её строгого платья.

— Ты можешь только одно, сказать, где она? Или я клянусь Всевышним, я начну ломать этот дом по кирпичику. Начиная с твоих драгоценных расписных ваз.

— Ты не посмеешь... Я твоя мать, и я не обязана перед тобой отчитываться за каждую подстилку.

Шамиль уже знал, что это значит. Она не ушла. Девчонка была либо спрятана, либо где-то здесь. И его мать не собиралась сдавать позиции.

— Ты прекрасно знаешь, насколько это важно, — произнёс он, его голос угрожающе затих, но каждая фраза звучала как неоспоримый, железобетонный факт. — Мы оба понимаем, что я не остановлюсь, пока не найду её. И если с ней что-то случилось по твоей вине...

Она не отводя суженного взгляда, ответила с той же непреклонной невозмутимостью старшей женщины в роду.

— Есть вещи, Шамиль, которые требуют моего прямого вмешательства, — слова прозвучали как вызов. — Я очищаю этот дом от грязи.

Шамилю хотелось что-нибудь сломать. Стереть высокомерное выражение с лица матери, но он выдержал тяжелую, удушающую паузу, испепеляюще разглядывая её, то как ее взгляд остается пугающе бесстрастным.

Тишина повисла между ними, как дым после перестрелки и не предвещала ничего хорошего. Шамиль провел языком по передним зубам, ощущая солоноватый вкус крови — в приступе ярости он прокусил себе щеку изнутри. Его мать стояла неподвижно, но в её глазах, таких же черных и властных, как у него самого, на долю секунды мелькнуло что-то... страх? Нет. Что-то гораздо хуже, это был холодный расчет. Она явно давно задумала избавиться от девчонки, только ему не сказала. Вероятно, с момента как узнала, что он готовит сделку с отцом Есении.

— Хорошо, — он знал, что все равно победит в этой войне. — Я уважаю твоё мнение, но знай одно: я найду её. Живой или мертвой.

— Нашему славному роду она ни к чему. Ей здесь не место, — процедила Хадижат. – Она испорченный товар.

— Товар? — он рассмеялся, едко, откровенно, заставив молодую горничную у дверей вздрогнуть и прикрыть рот рукой. — Ты правда думаешь, мама, что после всего, что я сделал для нашего тухума, после всей крови, в которой я вымазал руки, ты можешь диктовать мне, кого мне брать в постель и что мне делать со своей собственностью?!

Он сделал опасный шаг к матери, намеренно и с хрустом раздавив крупный хрустальный осколок под каблуком дорогого ботинка. Звук хрустнул, как переломанный позвоночник.

— Я не спрашивал твоего разрешения, когда мой отец творил беспредел. Не спрашивал, когда я своими руками палил дома конкурентов. Ты помнишь, как я на руках выносил тебя оттуда? И уж точно я не спрошу твоего мнения, когда эта девушка родит моего наследника. Моего.

— Или Махачевых? – она слабо ухмыльнулась, без тени смешинки и не дрогнула под его наседающим взглядом, но в её глазах отчетливо читалось последнее предупреждение. Слуги и охрана старались держаться как можно дальше, чувствуя, что психологическое напряжение в комнате достигло абсолютного предела.

Шамиль сделал еще один шаг вперёд, остановился в смертельно опасной близости от матери, и его присутствие выдавило ее тяжким, ощутимым физически взглядом, так что она добавила:

— Ты играешь с огнём, Шамиль. Я защищаю тебя же. Наш намыс. Наш род. А она порченная и конченная.

— Если ты продолжишь мне мешать, последствия не заставят себя ждать, — пообещал он, став совсем не добрым сыном. — Я не позволю никому, даже родной матери, встать у меня на пути.

Он не шутил. Она знала, что он держитслово. Их взгляды смешались — её высокомерное и злое, его — горячее, с привкусом власти и слепой ярости. Где-то за спиной у горничной вырвался сдавленный стон — девушка просто не выдержала напряжения и упала в обморок, но к ней никто не посмел подойти.

— Мой дом, — произнёс Шамиль, специально проводя пальцем по материнской дорогой жемчужной нитке на шее. — Мои правила. И моя война.

Он дернул силой.

Жемчужины с сухим треском порвались и градом рассыпались по мраморному полу, как крупный град. Хадижат не дрогнула, но её левое веко нервно дёрнулось — единственная, красноречивая предательская деталь, заставившего Шамиля фыркнуть.

— Забыл, кто вырастил тебя, кто сделал из тебя мужчину! — голос впервые дал трещину.

Шамиль криво ухмыльнулся. Краем глаза он заметил, как один из старых охранников незаметно шепчет молитву, обращаясь к Аллаху. Смешно. Будто Всевышний когда-либо заглядывал в их проклятый дом.

— И теперь ты умрёшь, как старая, упрямая женщина, которая осмелилась рычать на хозяина стаи? Или… всё же поступишь по-моему?

Мать, несмотря на его жесткие слова, не отступила, но её лицо стало ещё более бледным, почти меловым. Она прекрасно знала: обещание роковое, но он может его выполнить. Ее сын не простой рядовой человек и умение держать ту власть, что была в его руках, дарило не только силу, но и право быть палачом. Между ними разгоралась жестокая битва, в которой никто не хотел уступать. Дом принадлежал сыну, а не ей. И он ей открыто угрожал…

— Ее ЗДЕСЬ нет, — прорычала она, наконец сдаваясь, словно на глазах становясь меньше в размерах.

— Найдите девушку! Сейчас же! Переверните весь район! — приказал он тут же своим людям, заполняя собой, напором и яростью всё пространство огромного дома.

Слуги и охрана, мгновенно ощутив убийственную серьёзность его намерений, сломя голову бросились выполнять приказ. В их расширенных глазах читалась смесь исступленного трепета и животного страха — они знали, что промедление сейчас недопустимо.

Хадижат же, молча наблюдавшая за происходящим хаосом, осталась стоять на месте. Её взгляд полнился не скрываемым недовольством, больше не волновал ни сына, ни слуг. Она как никто другой понимала: если Шамиль ставит перед собой цель, то не успокоится и сожжет весь мир, пока не добьется своего.

Через несколько томительных, бесконечных минут один из охранников, тяжело запыхавшись, вбежал обратно в зал. В его глазах читалось странное облегчение, смешанное с откровенным ужасом.

— Мы нашли её, Шамиль Магомедович, — доложил он, изо всех сил стараясь держать голос бодрым, но в глазах читалось замешательство. — Она за воротами. На улице, у мусорных баков.

Шамиль замер на месте, будто его ударили током в грудь. Его сбитые в кровь пальцы непроизвольно сжались в кулаки. В черных глазах вспыхнула неконтролируемая ярость, но голос, когда он наконец заговорил, был тише шелеста сухих листьев.

— У... помойки?

Боец затрясся, мелко кивнув. Где-то за спиной Хадижат повернулась, её темный подол взметнулся, как крылья испуганной птицы.

Шамиль тут же поднял голову. Его взгляд, горящий, как раскалённый уголь в горне, впился в нее. В огромной комнате стало совсем напряженно, было слышно только, как дышит в окна осенний ветер, и как под ботинками хрустит разбитое стекло.

— Доброта в этом доме не живет? И милосердие тоже?

Хадижат открыла рот, чтобы что-то ответить, но он уже мрачный повернулся к своим людям, и его голос гремел, как раскат грома:

— Принести её сюда. Сейчас же. И немедленно подготовить восточную спальню. Вызвать моего личного врача. И удвоить охрану по всему периметру.

Когда он снова посмотрел на мать, в его глазах уже не осталось абсолютно ничего человеческого. Охранник судорожно кивнул и поспешил бегом выполнять приказ, прекрасно понимая, что счет идет на секунды. Шамиль знал, что должен разобраться в ситуации лично.

Хадижат, наблюдая за его пугающей реакцией, не смогла удержаться:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.